

Минерва бросила на Северуса раздраженный взгляд, зная, что он имеет в виду именно ее.

"Я просто хотела бы повернуть время вспять, остановить все это", - призналась Минерва, - "Если бы мне пришлось, я бы сама воскресила Гарри".

Филиус сидел прямо, глядя на женщину с расчетливым выражением лица, прежде чем заговорить: "А ты бы смогла?" - бросил он вызов.

Минерва повернулась к Филиусу, ошеломленная таким требованием. "Думаю, в данный момент мы все сделали бы это, если бы могли", - ответила Минерва, и все вокруг кивнули.

"Даже если метод не проверен и не доказан? С возможностью оказаться дальше в прошлое, чем ожидалось, или недостаточно далеко?" спросил Филиус.

"Возможно, но нет смысла мучить себя вопросами "если" и "но". Гарри больше нет, и чтобы вернуть его, потребуются чудо", - вздохнула Минерва, глотая остатки виски и чувствуя себя еще хуже, чем когда-либо, если такое возможно. Самое трудное, как она поняла, будет вернуться к нормальной жизни и учить следующее поколение студентов без Гарри; род Поттеров исчез. Чарльз был бы опустошен, как и Джеймс; они так гордились своей фамилией и могли проследить свои корни вплоть до времен Основателей.

"Возможно", - задумчиво произнес Филиус; возможно, пришло время поговорить с семьей.

В этот момент раздался одновременный стук, и письма по большому желобу упали в каюту Северуса. Письма были одинаковыми по цвету, форме и размеру. Северус встал и подошел, слегка захмелевший, но сохранивший удивительное равновесие, поскольку, в отличие от всех остальных, пил спиртное разбавленным. Подняв крышку желоба, он убедился в своей правоте: на каждого из них было письмо из Гринготтса. У Северуса заныло сердце; у него было чувство, что он знает, что это такое. Только вчера они говорили о завещании Поттеров. Он был удивлен тем, что его вызвали на оглашение завещания, Поттер никогда не ладил с ним, а Лили так и не простила его за ужасные слова во время их обучения.

"О, нет", - сказал Сириус, резко побледнев, и тут же пожалел, что так много выпил - ему стало плохо. Он знал, что содержал этот конверт; он получил похожий конверт от гоблина своего дяди Альфарда. Это касалось завещаний Лили и Джеймса; у него еще не было возможности оплакать их как следует. Он перешел от беспокойства к предательству, затем к ярости. Потом, в Азкабана, беспокойство за своего крестника и желание убить предателя заполнили его разум, так что нет, у него не было возможности погоревать о двух своих лучших друзьях.

Филиус с недоумением принял конверт. Должно быть, его приглашают на чтение завещания Лили. Конечно, это так; технически говоря, ее завещание было, скажем так, решающим фактором. Она пережила Джеймса, пусть даже всего на несколько минут; ее завещание было законом. Что бы она в нем ни написала, его нельзя было изменить. Перевернув по привычке письмо, он проверил сургучную печать и убедился, что это действительно завещание Гринготтса. Взломав печать, он начал читать содержание, с удивлением узнав, что сегодня они

читают завещание. Он знал, что согласился взять Лили в ученицы по Чарам, но они не смогли довести дело до конца. Они планировали начать занятия либо после рождения ее ребенка, либо после уничтожения Волдеморта. Потом война усилилась; ей было не по себе от мысли оставить сына с кем-то, поэтому она осталась дома. И весь мир знал, что случилось через год и три месяца: ее не стало. Кроме этого, он не понимал, зачем ему что-то получать от Лили. Довольно любопытно, правда; не похоже, чтобы студенты постоянно оставляли что-то для своих учителей в завещаниях.

"Почему так скоро?" спросила Минерва, глубоко озадаченная. Несмотря на то, что он был просрочен на десять лет, было удивительно, что они держат его в руках прямо сейчас.

"Ты забываешь, что Министерство расследует это дело уже два дня", - серьезно заметил Северус. "Я не сомневаюсь, что Гринготтс тоже был замешан в этом деле. Они говорили о завещании и о том, что с ним случилось. Они также знали, что завещание не было прочитано, так что вы соединяете точки".

"Я часто задавался вопросом, почему меня не позвали на оглашение завещания", - признался Ремус, его янтарные глаза были слишком яркими. "К сожалению, я объяснил это тем, что меня вычеркнули из их завещания, потому что считали, что я шпион". Не то чтобы он ожидал чего-то, просто письма или чего-то в этом роде, чего угодно, что могло бы объяснить суровую дистанцию и стены, которые были воздвигнуты между ними. Он ничего не сделал для того, чтобы они заподозрили его в шпионаже; его проклятие, вызванное месячными, было достаточно само по себе. Несмотря на то, что им было весело вместе, его собственная стая в конце концов предала его. Его сердце дрогнуло; самое смешное, что он понял, что на самом деле они не были его стаей. Чтобы быть полноценной частью стаи, нужно было быть оборотнем; возможно, именно поэтому он до сих пор жив и не сошел с ума - или, скорее, еще больше сошел с ума; Гарри действительно был его детенышем, и реакция, которую он почувствовал, узнав о его смерти, говорила об этом. Впервые и Ремус, и Муни скорбели в унисон.

"Ремус", - задыхался Сириус; это была его вина, о Мерлин, это была полностью его вина. Он был первым, кто предположил, что это может быть Ремус, потому что оборотни присоединились к Волдеморту. "Мне жаль, мне так жаль, мы не хотели этого".

"Но вы хотели, в то время. Я не мог участвовать в жизни своего детеныша, потому что вы с Джеймсом боялись, что я Пожиратель смерти", - огрызнулся Ремус, наконец-то немного злости и ярости, которые он так долго держал внутри, вырвались наружу.

"Куб?" повторил Сириус, побледнев еще больше, так как он дрожал; мурашки появились по всему телу, по спине, по рукам и даже по ногам. Впервые Сириус начал осознавать, какую серьезную несправедливость он совершил по отношению к Ремусу: пребывание вдали от Гарри могло свести его с ума, как только волк и Гарри сблизятся. "Почему ты мне не сказал?" Сириус скривился, ему стало плохо. Если бы он сказал, они бы знали, что он не шпион; он не смог бы предать собственного детеныша, потому что волк бы этого не допустил. Конечно, Фенрир Грейбек был исключением из всех правил, будь то человек или оборотень. Но опять же, можно утверждать, что он не был человеком; у него даже не было сердца.

"И скажите на милость, как я должен был это сделать? Ты избегал меня весь год!" Ремус зарычал, все еще задыхаясь от гнева.

"Разбирайтесь между собой потом, я не хочу этого слышать", - усмехнулся Северус, его глаза сверкнули, и он стал похож на себя прежнего.

"Чтобы так скоро все это устроить, они, должно быть, отчаянно пытаются доказать, что им нечего скрывать", - задумчиво перебил Филиус. "Ничего подобного в Гринготтсе раньше не случалось; завещания всегда читались через неделю после того, как волшебник или ведьма переходили на другую сторону завесы. Они не забывают; мы все очень умны; чтобы это произошло, кто-то должен был сбить с толку гоблина Поттера или, что еще хуже, Обливиэйт. Ничего хорошего из этого расследования не выйдет, позвольте мне сказать вам это". Если бы гоблины узнали, что их запутали, они бы жаждали крови и наверняка усилили бы охрану в Гринготтсе.

"Все это указывает на Дамблдора", - вздохнул Северус, потирая виски. Мерлин, неужели этот день и все эти разоблачения когда-нибудь закончатся? Он отказывался даже думать о том, что видел раньше, но потом вспомнил их предыдущий разговор. Он вскинул голову и посмотрел на Филиуса, его глаза стали еще шире, чем обычно. Это было невозможно, не так ли? Нет, но если это так, то почему он? Почему? Что? Что? Что? Ему казалось, что он вот-вот взорвется.

"Никто больше ничего не выигрывает и не теряет", - устало сказал Ремус, - "По крайней мере, я об этом не думаю".

"Кофе, джентльмены?" - предложила Минерва. Если им предстоит оглашение завещания, они должны были собраться с мыслями, и у них было всего несколько часов, чтобы сделать это.

"Мне ничего, Минерва", - ответил Филиус, покачав головой и спустившись со стула. "У меня есть дела, которые я должен сделать, и люди, которых я должен увидеть. Я покину Хогвартс, поэтому, если вы не возражаете, предупредите других учителей, чтобы они присматривали за моими Воронами".

"Конечно", - кивнула головой Минерва. За последние несколько дней он взял на себя большую часть ответственности за Хогвартс, и меньшее, что она могла сделать, это ответить ему взаимностью. В школе царил беспорядок; ей нужно было исправлять домашние задания и учить учеников, а она еще не была готова ни к тому, ни к другому. К тому же, директор был в отключке; если бы это не было так важно, она бы отправила учеников домой. Но нет, все будет хорошо; так и должно быть.

"Спасибо. Мне жаль, что приходится покидать вас в такое время", - признался Филиус.

"Все в порядке", - просто сказал Ремус, слабо улыбнувшись профессору Чародейства.

Северус, однако, продолжал расчетливо смотреть на Филиуса; он не хотел верить своим

собственным мыслям на этот счет. Впрочем, что еще ему оставалось думать? Честно говоря, ему не нравился ни один из вариантов, но он знал, что видел, так что оставалось только исключить один из них.

"Пока", - сказал Филиус, заметив выражение лица Мастера зелий. Почему он смотрел на него так, словно это была какая-то загадка, которую нужно было решить? Обычно он так смотрел на него, только когда тот пытался создать зелье, а Северусу не часто выпадала возможность поработать над ним, к сожалению, из-за занятий со студентами. Он вышел из комнаты, все еще любопытствуя по поводу этого взгляда; ему нужно будет поговорить с мастером зелий сегодня вечером.

<http://tl.rulate.ru/book/90599/2911902>